

Подходы к охране нематериального культурного наследия в государственной политике России и в деятельности ЮНЕСКО: сходства и различия

В. А. Сазонова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
sazonovaveronika@yandex.ru

Аннотация. В статье дается сравнительная характеристика деятельности России и ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия. В рамках исследования анализируются подходы к определению сущности и структуры нематериального культурного наследия, критерии признания объекта нематериальным наследием, особенности формирования программ поддержки и методы оценки эффективности их реализации.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, охрана наследия, ЮНЕСКО, культурная политика России, этнокультурное достояние

Для цитирования: Сазонова В. А. Подходы к охране нематериального культурного наследия в государственной политике России и в деятельности ЮНЕСКО: сходства и различия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 161–167.

Original article

Approaches to the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in Russian State Policy and Unesco Activities: Similarities and Differences

Veronika A. Sazonova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
sazonovaveronika@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of similarities and differences between the activities of Russia and UNESCO for the safeguarding of intangible cultural heritage. The research analyzes their approaches to determining the essence and structure of the phenomenon of intangible cultural heritage, criteria for recognizing cultural practice as an object of intangible heritage, features of the formation of programs to support it and methods for evaluating the effectiveness of implemented programs.

Keywords: intangible cultural heritage, heritage safeguarding, UNESCO, cultural policy of Russia, ethnocultural heritage

For citation: Sazonova, V. A. (2024). Approaches to the protection of intangible cultural heritage in Russian state policy and UNESCO activities: similarities and differences. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 161–167. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Охрана нематериального культурного наследия человечества является одной из самых актуальных проблем культурной политики как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств. Обострение социокультурного кризиса в 3-м десятилетии XXI века на фоне продолжающейся глобализации и ускорения темпов урбанизации перевело сохранение, поддержку воспроизводства, обеспечение передачи новым поколениям носителей и хранителей, актуализацию и популяризацию нематериального культурного наследия в перечень ключевых государственных задач в деятельности по предотвращению утраты самобытной культуры практически во всех странах мира. Для Российской Федерации эта проблема носит фундаментальный характер в связи с характерным для нее этнокультурным, языковым и конфессиональным многообразием.

Разработке трактовок сущности нематериального культурного наследия, формированию ответственных подходов к его сохранению и исследованию связанной с этим национальной проблематики посвящены труды Ю. Веденина (развивавшего идеи Д. Лихачева), А. Каргина и А. Костиной, М. Каулен, Т. Курьяновой, М. Логиновой, Ю. Лотмана и др. Изучению процессов формирования международной практики охраны нематериального наследия и ее сущностного содержания посвящены исследования Ю. Кавада, Ф. Лензерини, Л. Смит, Б. Хоффмана и др. Российские исследователи рассматривают сохранение «живого» наследия через призму содержательной [Каулен, 2009] и функциональной значимости [Лотман, 2001] его феноменов в воспроизводстве этнокультурной идентичности [Курьянова, 2012] и трансляции традиционной культуры [Каргин, Костина, 2008] в тесной взаимосвязи с материальным наследием [Логинова, 2021] и бытованием [Культурный ландшафт как объект наследия, 2004]. В работах зарубежных исследователей данная проблематика рассматривается с помощью содержательного подхода к определению сущности «живого наследия» [Hoffman, 2009] в контексте сохранения его ценностно-смысловых компонентов в меняющемся мире [Lenzerini, 2011], вариативности его трансляции [Кавада, 2000], а также его взаимосвязи с материальным наследием [Smith, 2008].

Комплексный подход ЮНЕСКО к охране «живого» наследия человечества получил международное признание в качестве унифицированной стратегии этой работы, Россия не стала страной – участницей Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия¹ (далее

¹URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

Конвенция ЮНЕСКО) и идет по пути формирования собственного концептуально-стратегического подхода к данным вопросам.

Анализ сходств и различий этих практик в рамках культурологического подхода является актуальным направлением исследований в связи с завершением в России формирования нормативных основ данной системы. В рамках исследования применяется сравнительный подход и метод контент-анализа.

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЕСКО И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И КРИТЕРИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЭТИХ СИСТЕМ

Подход ЮНЕСКО к охране «живого» наследия был сформирован со второй половины 1970-х годов по 2005 год на основе принципов устойчивого развития ООН и ценностного подхода к сохранению такого наследия [Купцова, Сазонова, 2022]. Сегодня главным документом, регулирующим работу в этом направлении, является принятая в 2003 году Конвенция ЮНЕСКО², которая конкретизирует в практической плоскости общие положения документов ООН.

В России процесс формирования государственного концептуально-стратегического подхода к сохранению и использованию нематериального культурного наследия начался в то же время, что и в международной практике, но завершающий этап его становления пришелся на 2024 год. Сегодня эта деятельность реализуется на основе всего комплекса нормативно-правовых документов, концепций и документов стратегического планирования РФ всех уровней в области культуры, национальностей, образования, поддержки коренных народов, молодежи, творческих индустрий и национальной безопасности. Документами, непосредственно регулирующими работу по присвоению культурной практике статуса нематериального культурного наследия и по дальнейшему сохранению этих объектов, являются: Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»³ (далее 402-ФЗ); Постановление Правительства Российской Федерации от 03.08.2023 № 1277 «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации»⁴ и Распоряжение Правительства Российской

²URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

³URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>

⁴URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308070002>

Федерации от 02.02.2024 № 206-р «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года» на период до 2030 года¹ (далее Концепция 2030).

Цель статьи – провести сравнительный анализ этих подходов по четырем ключевым позициям: определение сущности и структуры феномена нематериального культурного наследия; критерии ЮНЕСКО и Российской Федерации, используемые для признания культурной практики объектом нематериального наследия; особенности формирования программ его поддержки и методы оценки эффективности реализуемых программ.

ПОДХОДЫ ЮНЕСКО И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ И СТРУКТУРЫ ФЕНОМЕНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Согласно Конвенции ЮНЕСКО, нематериальное культурное наследие представляет собой «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия»². Передаваемое носителями от поколения к поколению и внутри сообществ «живое» наследие поддерживает преемственность и отражает их самобытность.

Согласно 402-ФЗ, нематериальное культурное наследие народов РФ представляет собой «совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения»³.

Как видно из приведенных определений, подходы России и ЮНЕСКО к определению сущности феномена нематериального наследия похожи, однако в нашей стране рассмотренный в предыдущем абзаце термин конкретизируется в Основах законодательства Российской Федерации о культуре, где с помощью определения «культурные ценности» расширяется нормативный перечень культурных практик, которые по своей сути являются

нематериальным культурным наследием, но не описаны в определении в 402-ФЗ (добавляются «говоры <...> исторические топонимы <...> уникальные в историко-культурном отношении территории...»⁴), и обозначается тесная взаимосвязь такого наследия с культурными ландшафтами его бытования и связанными с ним объектами материального и природного наследия. Также данное в 402-ФЗ определение нематериального наследия еще больше конкретизируется в ст. 4 через определение этнической общности Российской Федерации, которое указывает на то, что нематериальным наследием России признаются только те культурные практики, которые характерны для исторически проживающих на территории нашей страны этносов⁵, таким образом отделяя этот институт от культурных практик мигрантов из других стран. Помимо этого, данным положением, в отличие от Конвенции ЮНЕСКО, российский закон устанавливает взаимосвязь этнической принадлежности носителя и его нематериального наследия, а все иные лица, не имеющие этой взаимосвязи, но занимающиеся вопросами сохранения, изучения, популяризации, актуализации и использования конкретного объекта наследия могут быть признаны его хранителями.

Подобное положение складывается и с перечнем форм выражения нематериального наследия:

- ЮНЕСКО предметно очерчивает круг форм выражения такого наследия («устные традиции и формы выражения <...> язык <...> исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами»⁶;

- в рамках российского подхода этот перечень предметно очерчивается (типологически схоже, однако несколько более конкретизировано, например, в нем помимо языков, отдельно записаны диалекты, перечисляются конкретные типы традиционных исполнительских искусств, в него входят исторически сложившиеся образно-символические категории, связанные с традиционным укладом жизни), но является, по сути, открытым, поскольку в нем есть пункт «иные объекты нематериального этнокультурного достояния»⁷. Это дает возможность охватывать большее количество культурных практик при ведении Федерального государственного реестра объектов нематериального

¹URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402100001>

²URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

³URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>.

⁴Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102018866&rdk=>

⁵URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>.

⁶URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

⁷URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>

этнокультурного достояния Российской Федерации (далее федеральный реестр).

Таким образом, подход ЮНЕСКО к определению сущности нематериального культурного наследия, оперирующий более общими типологическими категориями позволяет унифицировать деятельность по его охране на международном уровне и повысить ее инклюзивность с точки зрения выравнивания отличий национальных подходов к этой работе, однако при строго формальном исполнении заявленных положений из фокуса международного внимания могут выпасть некоторые знаково-символические и ценностно-смысловые объекты, связанные с традиционным образом жизни, которые сложно отнести к заявленным категориям форм выражения. Российский подход, трактующий эти феномены несколько шире, позволяет более комплексно и вариативно подходить к деятельности по охране «живого» наследия во всех его проявлениях.

КРИТЕРИИ ЮНЕСКО И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ ОБЪЕКТОМ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

В рамках исполнения Конвенции ЮНЕСКО ведутся Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества и Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране.

Для включения в первый список номинированная с согласия носителей культурная практика должна соответствовать принятому в Конвенции ЮНЕСКО определению нематериального культурного наследия и состоять в национальном списке объектов нематериального наследия номинировавшего ее государства-участника, которое обязано разработать программу его охраны. Для включения во второй список культурная практика должна находиться под угрозой утраты и соответствовать описанным выше критериям. По согласованию сторон объекты нематериального наследия могут быть перемещены из одного списка в другой при соблюдении описанных критериев¹.

В рамках государственного концептуально-стратегического подхода Российской Федерации к выявлению, сохранению, использованию и мониторингу состояния объектов нематериального

наследия, характерных для культур традиционно населяющих ее народов, в цифровом виде производится наполнение и ведение федерального реестра². Включаемые в данную автоматизированную информационную систему культурные практики должны соответствовать приведенному в 402-ФЗ нормативному определению нематериального культурного наследия, отражать этнокультурную самобытность ее носителей, воспроизводиться в России не реже одного раза в год не менее, чем в двух субъектах РФ³ (если только в одном, то включается в соответствующий региональный реестр на основании критериев, установленных конкретным субъектом Федерации⁴, возникнуть более 40 лет назад и, соответственно, обладать исторической ценностью⁵. Таким образом, в федеральный реестр включаются только особо ценные объекты для всей страны. Отдельного реестра для нематериального культурного наследия, в приоритетном порядке нуждающегося в охране в связи с угрозой исчезновения, в России нет, эти объекты включаются в федеральный реестр на основании описанных выше критериев.

В Российской Федерации принятие решения о включении в реестр происходит в течение одного года после подачи заявки⁶, а в рамках деятельности ЮНЕСКО обновление списков без созыва внеочередного заседания Генеральной ассамблеи Конвенции возможно лишь один раз в два года⁷.

Таким образом, российский подход с одной стороны гораздо более гибко подходит к вопросу признания культурной практики объектом нематериального наследия и, в отличие от ЮНЕСКО, не требует на первоначальном этапе разработки специализированных программ для его охраны (допуская, при необходимости, включение подобных проектов в государственные программы поддержки культуры и искусства впоследствии), но с другой стороны в российской практике четко очерчивается историческая ценность феноменов, включаемых в федеральный реестр, для традиционных культур исконно проживающих в России этносов. В перспективе это должно позволить оградить охраняемое государством нематериальное наследие от искажения или замещения симулякрами под влиянием современных культурных практик и медиапроцессов.

²URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308070002>

³Там же.

⁴URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>

⁵URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308070002>

⁶Там же.

⁷URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts_2022_version-RU.pdf.

¹Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. // Operational Directives for the implementation of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Heritage, UNESCO Intangible Cultural Heritage, 2022. С. 30-48. URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts_2022_version-RU.pdf.

ПОДХОДЫ ЮНЕСКО И РОССИИ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОГРАММ ПОДДЕРЖКИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В рамках исполнения Конвенции ЮНЕСКО деятельность по охране нематериального наследия реализуется на двух уровнях – национальном и международном. На национальном уровне страны – участницы Конвенции ЮНЕСКО обязаны действовать согласно предусмотренным в ней этическим принципам¹ и принципам устойчивого развития ООН, а также продолжать работу по формированию национальных перечней нематериального наследия, реализации программ его охраны и его использованию в образовательных процессах на местном и национальном уровне. Под эгидой ЮНЕСКО на международном уровне реализуются программы научных исследований, трансляции и популяризации нематериального наследия, а также подготовки кадров в этой области.

В отечественной практике охрана нематериального наследия на сегодняшний день осуществляется в целях сохранения культурного суверенитета России², этнокультурной самобытности, традиционного образа жизни, языкового многообразия и преемственности поколений ее народов³, формирования их общероссийской идентичности и укрепления духовного единства⁴, обеспечения межнационального и межконфессионального согласия, а также национальной безопасности нашей страны⁵. В перечни мер входят проекты и программы, направленные на решение как общих задач по выявлению, изучению, документированию, поддержке воспроизводства, сохранению, актуализации, популяризации и использованию нематериального наследия, так и на решение конкретных узкоспециализированных задач, связанных с инфраструктурным или нормативным обеспечением этой деятельности. В некоторых случаях эти программы пересекаются и координируются между собой.

Концепция 2030, принятая в 2024 году, является связующим звеном между концепциями и документами стратегического планирования

¹URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2022_version-RU.pdf.

²Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=16&nd=102391450.

³URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402100001>

⁴Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102161949

⁵Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=602263723

Российской Федерации, затрагивающими вопросы сохранения нематериального наследия, поскольку предполагает дальнейшее упорядочивание и методическое совершенствование мер поддержки для обеспечения системной взаимосвязанной работы в этой области. Важнейшими перспективными задачами этого документа являются разработка механизмов защиты нематериального культурного наследия России от деструктивного воздействия, механизмов поддержки носителей и хранителей, организация и реализация системной работы по выявлению и мониторингу состояния нематериального наследия, а также создание новых системных подходов к передаче нематериального наследия от поколения к поколению посредством образовательных, воспитательных, просветительских, творческих и иных проектов и программ⁶.

Таким образом, подход ЮНЕСКО к формированию программ поддержки нематериального культурного наследия в большей степени направлен на решение задач по его сохранению, популяризации и трансляции, а также использованию в целях локального устойчивого развития, в то время как в российском подходе долгое время превалировали практические задачи по его изучению, воспроизводству, возрождению, развитию, трансляции, популяризации и использованию в национальных интересах, а системная организация работы по его выявлению, изучению и сохранению долгое время находилась на этапе разработки ее нормативных, методологических и методических оснований. Реализация Концепции 2030 должна нивелировать этот перекос.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗУЕМЫХ ПРОГРАММ ЮНЕСКО И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В рамках реализации Конвенции ЮНЕСКО разработана Общая система оценки ее результатов⁷, которая содержит в себе критерии оценки деятельности государств-участников в 8 тематических областях по 26 ключевым показателям и 86 качественным критериям, достижение которых позволит выполнить краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные задачи конвенции.

Целевые показатели Концепции 2030, а также государственных программ и проектов, включающих в себя меры, направленные на сохранение, актуализацию и популяризацию нематериального наследия российской культуры, в большей степени имеют количественный характер. При этом какая-либо единообразная и исчерпывающая

⁶URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402100001>

⁷https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2022_version-RU.pdf

система оценки эффективности этой работы по качественным критериям аналогичная предложенной ЮНЕСКО в настоящий момент в нормативной базе на концептуальном уровне не сформирована. Во многом это является следствием исторически сложившегося разделения управления этим институтом между разными ведомствами и, соответственно, разными документами и программами поддержки. В то же время качественными критериями оценки этой работы могут стать положения, заявляемые как ожидаемые результаты реализации всех концепций и документов стратегического планирования Российской Федерации, затрагивающих вопросы сохранения, популяризации и использования нематериального наследия, при условии их систематизации и разработки единой методики оценивания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами отличия подходов обусловлены тем, что предлагаемый ЮНЕСКО подход изначально формировался как наднациональный, с задачей систематизировать и унифицировать на международном уровне деятельность по охране «живого» наследия человечества в тех объемах, в которых это возможно сделать во всех странах – членах ООН, имеющих разные формы государственности и разный уровень развития законодательства в области культуры. А российский подход формировался в условиях трансформации всей нормативной базы государства и необходимости решать практические задачи в области культуры под влиянием социально-экономических и политических факторов с учетом национальных особенностей. Подход ЮНЕСКО в его международном применении далеко не всегда позволяет учитывать ряд особенностей развития практических подходов к охране нематериального наследия, характерных для конкретных государств, переводя

эти вопросы на национальный уровень в рамках компетенций местных правительств¹. Российский подход гораздо более вариативен в вопросе признания культурной практики объектом нематериального наследия, но только в тех случаях, когда такие феномены имеют историческую ценность и принадлежат культуре исконно российских этносов. В подходе ЮНЕСКО с момента принятия соответствующей конвенции реализовывалась проработанная система признания культурных феноменов объектами нематериального наследия и их дальнейшего сохранения, в российском же подходе долгое время преобладали задачи практического характера по изучению, поддержке воспроизводства, возрождению и развитию такого наследия, а также его трансляции, популяризации и использованию в описанных выше целях.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в рамках деятельности ЮНЕСКО спецификация, подобная реализуемой в российской практике, не требуется из-за различий культур народов мира и сложившихся практик управления в этой области. Однако в России вследствие ее культурных особенностей для решения этой задачи требуется реализация взаимосвязанной и целостной системы охраны объектов нематериального культурного наследия, которая бы учитывала региональные и локальные особенности. С принятием Концепции 2030 российский подход к охране «живого» наследия приобрел необходимую целостность и в данный момент охватывает больший спектр практических вопросов, нежели подход, предложенный ЮНЕСКО. Дальнейшее развитие этой системы и обновление подходов к оценке эффективности принимаемых мер на основании качественных критериев имеет фундаментальное значение для сохранения культуры России.

¹URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каулен М. Е. Актуализация нематериального наследия: формы и методы // Фундаментальные проблемы культурологии. М. ; СПб.: Новый хронограф : Эйдос. 2009. Т. 6. С. 27–39.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. 2001. СПб.: Искусство.
3. Курьянова Т. С. Этнический аспект нематериального наследия: способы сохранения // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 1 (5). С. 37–42.
4. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 59–71.
5. Логинова М. В. Актуализация культурного наследия в контексте задач современной культурной политики // Сфера культуры. 2021. № 4. С. 73–79.
6. Культурный ландшафт как объект наследия / Ю. А. Веденин и др. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
7. Hoffman B. T. Art and cultural heritage: law, policy, and practice. C.: Cambridge university press, 2009.

8. Lenzerini F. Intangible Cultural Heritage: The Living Culture of Peoples // The European Journal of International Law. 2011. Vol. 22. № 1. P. 101–120.
9. Кавада Ю. Инициативы по защите нематериальных объектов культурного наследия // Всемирный доклад по культуре 2000+: культурное многообразие, конфликт и плюрализм. М.: Магистр-пресс, 2000. С. 168–169.
10. Smith L., Akagawa N. Intangible Heritage. L.: Routledge, 2008.
11. Купцова И. А., Сазонова В. А. Нематериальное культурное наследие: концептуальные подходы к определению феномена // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19. №1. С. 56–64.

REFERENCES

1. Kaulen, M. E. (2009) Actualization of intangible heritage: forms and methods. Fundamental problems of cultural studies, 6, 27–39. Moscow: New chronograph ; St.Petersburg: Eidos. (In Russ.)
2. Lotman, Yu. M. (2001) Semiosfera = The Semiosphere. St.Petersburg: Art. (In Russ.)
3. Kuryanova, T. S. (2012) Ethnic aspect of intangible heritage: ways of preserving. Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 1(5), 37–42. (In Russ.)
4. Kargin, A. S., Kostina, A. V. (2008) Preservation of Non-material Cultural Heritage of the Nations of the RF as a Priority of Cultural Policy of Russia in the XXI Century. Knowledge. Understanding. Ability, 3, 59–71. (In Russ.)
5. Loginova, M. V. (2021) Updating of cultural heritage in the context of contemporary cultural policy. Sphere of Culture, 4, 73–79. (In Russ.)
6. Vedenin, Yu. A. et al. (2004). Cultural Landscape as a Heritage Site. Moscow: Heritage Institute ; St.Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russ.)
7. Hoffman, B. T. (2009). Art and cultural heritage: law, policy, and practice. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Lenzerini, F. (2011). Intangible Cultural Heritage: The Living Culture of Peoples. The European Journal of International Law, 22(1), 101–120.
9. Kawada, J. (2000). Initiatives for the protection of intangible cultural heritage. World Cultural Report 2000+: Cultural diversity, conflict and pluralism (pp. 168–169). Moscow: Magister-press. (In Russ.)
10. Smith, L., Akagawa, N. (2008). Intangible Heritage. London: Routledge.
11. Kuptsova, I. A., Sazonova, V. A. (2022). Intangible Cultural Heritage: Conceptual Approaches to the Phenomenon Definition. Observatory of Culture, 19(1), 56–65. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сазонова Вероника Александровна

аспирант кафедры культурологии

Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sazonova Veronika Aleksandrovna

Postgraduate Student at the Department of Cultural Studies

Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.08.2024
06.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication